

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.11
ББК 67.00

СВОБОДА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н.Н. Волленко

В статье рассматриваются теоретические вопросы понятия и взаимодействия свободы и справедливости. Особое внимание уделяется проблеме ограничения свободы личности для достижения идеалов справедливого общественного и государственного устройства.

Ключевые слова: *свобода, справедливость, право, личность, общество, государство.*

Связь свободы и справедливости на идейном, деятельностном и институциональном уровнях столь очевидна и значима в человеческой истории, что составляет предмет вечных и пристрастных изысканий в сфере гуманитарных наук. Свобода рассматривается как необходимое условие, предпосылка, определяющая путь к справедливости, а сама справедливость предполагает наличие свободы и является результатом ее воплощения в общественной жизни. Формирование подлинной системы социальной справедливости в ее материальном и нормативно-ценностном аспектах возможно только в условиях реализации гражданской свободы и всемерной охраны прав и свобод граждан. Отсюда, идеи свободы и справедливости с естественно-исторической необходимостью вызывают к жизни идею права и способствуют ее институци-

онализации в виде соответствующей правовой системы. Однако данная формула взаимодействия свободы и справедливости срабатывает и объясняет механизм их взаимодействия лишь на предельно обобщенном уровне. Она, к сожалению, не способна учитывать все богатство и многообразие человеческого бытия, выражающегося в конфликтных ситуациях. Более того, в литературе можно встретить утверждения о противоречивом характере взаимодействия свободы и справедливости как закономерности общественного развития. Так, В. Вольнов утверждает: «...есть основания считать, что история по меньшей мере последних двух столетий – это борьба свободы и справедливости» [1, с. 237]. Сказано сильно и, на наш взгляд, излишне категорично, ибо, по автору, социальные революции и общественные противоречия последних двух веков стали возможными на основе смыслового и содержательного противоречия между понятиями свободы и справедливости.

Разумеется, что представления о данных понятиях у буржуазии и рабочего класса существенно различаются, ибо основываются на антагонистически противоречивых классовых интересах. Идеино-ценностное воплощение этих групповых интересов в представлениях о свободе и справедливости предопределяет социально противоречивый облик данных понятий. Однако в данной ситуации речь должна идти не о борьбе свободы и справедливости, а о противоборстве стоящих за этими понятиями классовых, стратовых, национальных и прочих интересов.

Свобода – одна из величайших ценностей человечества, в основе которой лежит возможность независимого от внешних влияний самовыражения личности в мыслях и поступках. Как писал Сенека, свобода состоит в том, чтобы «не быть рабом ни у обстоятельств, ни у неизбежности, ни у случая; низвести фортуна на одну ступень с собою...» [14, с. 89]. Метко по этому поводу высказался Мишель Монтень: «Цель, как я полагаю, всегда и у всех одна, а именно жить свободно и независимо...» [10, с. 235]. И далее: «Природа произвела нас на свет свободными и независимыми; это мы сами запираем себя в тех или иных тесных пределах, уподобляясь в известном смысле персидским царям, давшим обет не пить никакой воды, кроме как из реки Хоасп...» [там же, с. 969]. Как тут не вспомнить знаменитый афоризм Руссо: «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах. Иной мнит себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в большей еще мере, чем они» [13, с. 152].

Мысль о естественно-природном характере идеи свободы и сущностной ее конкретизации в независимости личности достаточно четко и последовательно проходит в большинстве исследований этой проблемы. Нам уже приходилось писать о том, что современное понимание свободы как бы поглощает собой понятие независимости, сообщая ей цивилизованный характер. «Независимость есть обнаженная свобода, сбросившая с себя покров социальной почтительности и представшая в своем эгоистическом выражении. Это объективно сложившаяся или субъективно завоеванная мера и объем свободы личности в ее поведении». Следовательно, незави-

мость есть центральная идея, организующая реальное содержание свободы, а свобода, в свою очередь, есть всеобщая форма существования независимости. В таком виде идея независимости личности воплощается в праве» [2, с. 52].

Важнейшим требованием независимости является неприкосновенность личной и духовной жизни индивида, его личностная автономия. По мнению Д. Ролза, «каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом» [12, с. 19].

Как отмечал еще Д. Локк, «свобода предполагает разум и волю» [9, с. 289]. Отсюда ее связь с осознанной необходимостью и нравственным законом. Человеческое разумение, познание жизненной ситуации и ее нормативного определения позволяет согласовывать личные желания с закономерностями общественной жизни и волеизъявлять свои намерения в определенных социально значимых границах. Давно уже сказано, что свобода порождает ответственность, а последняя направляет свободу. И прав был Гегель, отмечавший, что «когда говорят, что свобода состоит вообще в том, чтобы делать все, что угодно, то подобное представление свидетельствует о полнейшем отсутствии культуры мысли, в которой нет и намека на понимание того, что есть сами в себе и для себя свободная воля, право, нравственность и т. д.» [3, с. 80]. Все это означает, что как личностная свобода (свобода воли), так и гражданская свобода формируются и реализуются в виде комплекса осознанных возможностей волеизъявления субъектов, соотносимых с объективно сложившимися требованиями системы нормативного регулирования общественных отношений. Идея свободы лежит в основании нравственности и права как всеобщих и универсальных регуляторов общественной жизни, а они выступают в качестве основных социальных сфер ее бытия и нормативного определения. Оценивая разумную и свободную человеческую деятельность через категории добра и зла, правомерного и неправомерного, человеческая практика вызвала к жизни идею справедливости в виде универсального нравственного критерия ее правильности. Таким образом, спра-

ведливость для свободы есть инструмент оценки ее разумности и правомерности и, вместе с тем, идеал, на который ориентируется свобода в своем самовыражении. Свобода должна быть справедливой, а справедливость есть результат осуществления свободной человеческой деятельности и средство ее легитимации. Свобода выражается в способности человека совершить какие-либо действия или воздержаться от них. Это позволяет вслед за И. Кантом выделять позитивную и негативную свободу [7, с. 104–105], то есть возможность действовать независимо от внешних влияний и возможность воздержаться от активного поведения, руководствуясь внутренними побуждениями. В современной интерпретации речь идет о двух аспектах выражения свободы в общественной жизни: «свобода для» и «свобода от». В первом случае имеется в виду максимальная возможность для самореализации каждого индивида в соответствии с его способностями, во втором – организация такого общественного порядка, в котором, несмотря на все ограничения и сдерживания, налагаемые в интересах всего общества на индивидуальные действия граждан, сфера индивидуального выбора и инициативы оставалась бы настолько широкой, насколько это совместимо с общественным благом [8, с. 159].

Система социальной справедливости своими материальными и нормативно-ценностными компонентами определяет оба аспекта проявления человеческой свободы. Она объективно сложившимся способом общественного производства и распределения материальных и духовных благ определяет пределы и спектр возможностей личности в экономической сфере, а посредством господствующей, объективно вмененной морали и правовой системы регламентирует повседневную жизнь. Свобода, таким образом, приобретает институционально выраженный и нормативно закрепленный характер. Однако, в свою очередь, она составляет социально необходимое интеллектуально-волевое основание справедливости. Не случайно еще Шеллинг отметил, что «реальное... и живое понятие свободы заключается в том, что она есть способность к добру и злу» [15, с. 102]. Понятие добра и зла составляют внутренний стержень нравственного закона, позволяющего различать

справедливое и несправедливое в человеческих поступках и задавать нормативные параметры социально значимому поведению. Как отмечал И. Кант, «с идеей... свободы неразрывно связано понятие *автономии*, а с этим понятием – всеобщий принцип нравственности, который в идее точно также лежит в основе всех действий *разумных* существ, как закон природы в основе всех явлений» [7, с. 110]. Следовательно, свобода в гражданском обществе предстает как явление, отягощенное человеческим разумом, волей и нравственностью в практическом поведении. Свобода воли и гражданская свобода в масштабах общества несут на себе «вериги» разумной волевы и нравственной ответственности. И как заметил Мишель Монтень: «Поступки, которых не озаряет отблеск свободы, не доставляют ни чести, ни удовольствия» [10, с. 963]. Это означает, что несвободное поведение не может и не должно «взвешиваться» на весах справедливости и несправедливости, не может вменяться лицу как основание его ответственности.

В самом общем виде свобода характеризуется как целенаправленная избирательная активность человека в обществе, осуществляемая целенаправленно на основе познанной и использованной объективной необходимости [5, с. 6]. Вместе с тем она может рассматриваться в качестве идеала, принципа и программы человеческой деятельности, сообщая ей подлинно социально значимый характер и соответствуя объективной закономерности общественного развития. Ставя перед собой конкретные цели жизнедеятельности и осуществляя их, человек, образно говоря, «купаются» в стихии исторически завоеванной и нравственно закрепленной свободы, использует, а иногда и игнорирует ее возможности. Свобода для личности выглядит как естественно-природная и социально обусловленная среда ее обитания. Однако закономерным является тот факт, что осуществление личной свободы, как и свободы гражданской, может затрагивать интересы других лиц и приобретать социально значимый характер. А это означает, что реализация индивидуальной свободы воли, как и гражданских свобод в целом, сталкивается с проблемой необходимости соблюдения требований справедливости. И акты

свободного волеизъявления людей далеко не всегда соответствуют стандартам справедливой жизнедеятельности. Требования справедливости в сферах экономики, политики, нравственности, праве корректируют свободные притязания субъектов, сдерживают человеческий эгоизм в границах объективно сложившейся системы нормативного регулирования. И здесь обнаруживается весьма интересная закономерность: *ненарушенная справедливость, основанная на гармоничном, оптимальном регулировании общественных отношений, – неуловима*, как естественное состояние совмещения, совпадения свободы и справедливости. Удачно по этому поводу заметил В.Е. Давидович: «И справедливость, и свобода, когда они налицо, становятся подобными воздуху. Без них жить – жить достойно – нельзя. Но когда они есть, их присутствие воспринимается как естественный ход событий» [6, с. 26]. Это означает, что актуализация проблемы соотношения свободы и справедливости в общественной жизни наблюдается в ситуации нарушения их меры и границ осуществления, когда становятся известными общественному мнению и обсуждаемыми факты несоблюдения прав и свобод граждан и их организаций, а также нормативов справедливого поведения. Проблема эта особо обостряется, когда во имя реализации индивидуальной или групповой свободы происходит посягательство на общепринятые в масштабах общества образцы и идеалы справедливости. И это требует более основательного изучения функциональной значимости справедливости по отношению к свободе.

В самом общем виде **справедливость** можно определить как чувство и лежащую в его основе идею, принцип и соответствующий режим жизнедеятельности (создания и распределения материальных и духовных благ) посредством уравнивания положения субъектов в системе общественных отношений и воздаяния им пропорционально их позитивному и негативному вкладу в социальную жизнь. Она есть основанный на идее добра и общего блага, а также недопустимости или минимизации зла нравственный критерий определения меры оптимально допустимого, желательного поведения людей. Взвешивая на весах разума и чувств человеческие поступки и соизмеряя их

с выработанными человечеством нормативами в сферах морали, права, политики и т. д., справедливость вносит гармонию и упорядоченность в общественную жизнь путем ориентации ее на нравственные идеалы. И если назначение свободы состоит в обеспечении независимого от внешних и внутренних факторов самовыражения личности при удовлетворении своих интересов, то справедливость предназначена изначально для оценки и регулирования свободно развивающейся деятельности. Она измеряет акты свободного волеизъявления и оценивает их с позиции нравственного закона в качестве идеала общественного развития.

Говорят, что борьба за свободу совершенствует оковы. Действительно, историческая борьба угнетенных классов общества, осуществлявшаяся на протяжении многих веков под лозунгами восстановления попорченной социальной справедливости, выливалась в создание и совершенствовании правовых норм и процессуальных процедур обеспечения беспрепятственной реализации прав и свобод личности и социальных общностей. Этот процесс продолжается и в настоящее время. Однако заметно набирает силу и обратная тенденция. Суть ее состоит в разработке и введении в действие значительного числа правоограничений для личности в тех сферах, которые ранее считались «заповедными» областями личной свободы. Речь идет в первую очередь о численном росте различного рода так называемых «мер социальной и юридической защиты», применяемых не в связи с совершенными правонарушениями, а исходя из необходимости профилактики и всемерной охраны общественного в широком смысле и правового порядка. Это санкционированное действующим законодательством проникновение в жилища граждан служб и должностных лиц пожарной охраны, электриков, газовиков, полиции и прочих служб. Такое же значение имеют личный досмотр граждан, досмотр, а фактически обыск, автотранспорта, контроль за багажом и содержимым одежды в аэропортах, а в некоторых регионах – и на автовокзалах и на железнодорожном транспорте. Появляются также сомнительные с точки зрения закона региональные запреты на ввоз и вывоз сельскохозяйственной продукции,

посещение гражданами лесопарковых зон, запреты на рыбалку, обязательная регистрация резиновых лодок и т. д. К этому следует добавить и тенденцию расширяющейся криминализации человеческих деяний, выражающуюся в росте числа уголовно наказуемых деяний (экономико-финансовая и компьютерная сферы), а также увеличения численности административно-правовых правонарушений. Субъекты Российской Федерации, имеющие свои административные кодексы, как бы соревнуются в установлении своих региональных административных проступков и мер наказания за их совершение, особенно в сфере торговли и быта. Из года в год расширяется число ведомственных субъектов, уполномоченных на применение властных правоограничений и конкретных санкций к гражданам. Мониторинг ведомственных правоохранительных служб отсутствует, а требование наличия исчерпывающего и законодательно закрепленного перечня субъектов, правомочных применять санкции к гражданам и их объединениям, не выдерживается. Все это свидетельствует о том, что сфера личной свободы человека неуклонно сжимается, причем зачастую аргументируется эта тенденция необходимостью защиты общественного порядка и обеспечения социальной справедливости.

Безусловно, расширение сферы правоохраны и количественный рост правоограничений не всегда являются государственно-правовым произволом, а в большинстве случаев выглядит как необходимый и неизбежный ответ современной правовой системы на вызов, порожденный научно-техническим прогрессом, усложнением противоречий рыночной системы. И тем не менее налицо ограничение сферы свободы личности во имя защиты государственно гарантированного уровня справедливости. В зависимости от конкретно-исторической расстановки политических сил общества этот официальный уровень не всегда соответствует воле и интересам большинства населения страны и, таким образом, может возбуждать общественное мнение в борьбе за свободу и справедливость.

Сужение границ социальной свободы в сфере, подвластной праву, отражает одну из закономерностей общественной жизни, согласно

которой чем интенсивнее человеческое общение, тем больше создается возможностей для ограничения свободы [5, с. 9]. Данную закономерность отмечает и американский социолог С. Нириг: «В современном обществе гнет экономических и социальных сил, особенно технических, направлен в сторону ограничения. Увеличение масштабов и глубины развития, достижения в области координации, автоматизации, планирования сокращают возможности выбора, увеличивают необходимость подчинения требованиям организации и системы» [11, с. 114].

Это вполне соответствует усилению и усложнению динамики современной жизнедеятельности. Развитие научно-технического прогресса, появление новых сфер и форм человеческого взаимодействия в различных областях общественной жизни, особенно посредством компьютеризации, объективно потребовало разработки и введения в систему правового регулирования новых правоограничений, необходимых для охраны национально-государственных, общественных и личных интересов. Все это актуализирует проблему ситуационной справедливости в этих динамично развивающихся сферах человеческого общения.

Решая вопрос о соотношении свободы и справедливости, весьма заманчиво объявить справедливость абсолютным благом и основной целью общественного развития в противоположность свободе как благу относительному по своей значимости и средству к достижению идеала справедливого социального и государственного устройства. Однако еще Гегель подчеркивал, что свобода составляет конечную цель развития всемирной истории, а сама история убедительно свидетельствует, что там, где нет свободы, не может быть справедливости и общественного развития. «Итак, всемирная история представляет собой ход развития принципа, содержание которого есть сознание свободы» [4, с. 105]. Однако, думается, недопустима и абсолютизация свободы в ущерб идее справедливости, составляющей основу нормативной регламентации общественной жизни и устанавливающей границы осуществления свободы. И это наводит на мысль о том, что состояние взаимосвязи данных явлений в обществе заключается в

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

неком балансе, основанном на исторически сложившемся саморегулировании и самоорганизации. Чем меньше в обществе социальных свобод и сильнее гнет экономических, политических, правовых и прочих ограничений, тем настойчивее и актуальнее начинают звучать призывы к восстановлению попорченной справедливости и вырабатываются средства ее гарантирования. И наоборот, чем больше накапливается в обществе примеров и практики несправедливости, тем чаще и увереннее общественное мнение обращается к идее и принципам свободы как средству защиты от произвола. Осуществляется, таким образом, исторически сложившийся процесс выравнивания объема и меры свободы и справедливости посредством ограничения их крайних, неумеренных проявлений. Универсальным средством такого выравнивания выступают правоограничения в различных сферах общественной жизни, ведущие к формированию относительно устойчивого баланса в возможностях и обязанностях личности. При этом историческая логика бытия этой закономерности состоит в том, что ограничение свободы во имя справедливости вполне уместно и допустимо; игнорирование же справедливости для всемирного торжества свободы и ее отдельных проявлений выглядит как анархия или человеческий эгоизм. Следовательно, справедливость – это тот нравственно-правовой идеал и принцип общественной жизни, на который должны ориентироваться все акты свободной человеческой жизнедеятельности.

1. Вольнов, В. Феноменология / В. Вольнов. – СПб. : Альстейя, 2008. – 303 с.
2. Вопленко, Н. Н. Очерки общей теории права / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 897 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 529 с.
4. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 479 с.
5. Давидович, В. Е. Грани свободы / В. Е. Давидович. – М. : Мол. гвардия, 1969. – 224 с.
6. Давидович, В. Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности / В. Е. Давидович. – М. : Изд-во полит. лит., 1989. – 255 с.
7. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – СПб. : Наука, 2005. – 528 с.
8. Ллойд, Д. Идея права / Д. Ллойд. – М. : Книгодел, 2006. – 415 с.
9. Локк, Д. Опыт о человеческом разумении / Д. Локк // Соч. : в 3 т. Т. 1 / Д. Локк. – М. : Мысль, 1985. – 622 с.
10. Монтень, М. Опыты. Полное издание в одном томе / М. Монтень. – М. : Альфа книга, 2009. – 1150 с.
11. Нириг, С. Свобода: обещание и угроза / С. Нириг. – М. : Прогресс, 1966. – 192 с.
12. Ролз, Д. Теория справедливости / Д. Ролз. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.
13. Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / Ж. Ж. Руссо // Трактаты / Ж. Ж. Руссо. – М. : Наука, 1969. – 703 с.
14. Сенека. Письма Луцилию. Марк Аврелий. Наедине с собой. – Симферополь : Реноме, 2002. – 381 с.
15. Шеллинг, Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах / Ф. В. Й. Шеллинг // Соч. В 2 т. Т. 2 / Ф. В. Й. Шеллинг. – М. : Мысль, 1989. – 638 с.

FREEDOM AND JUSTICE: OBJECTIVE LAWS OF THEIR INTERACTION

N.N. Voplenko

The article deals with the theoretical problems of the concept and interaction of freedom and justice. The particular attention is paid to the issue of the custodial restraint of an individual for the sake of achieving the ideal of just social and state structure.

Key words: *freedom, justice, right, individual, society, state.*